

Елена Ушакова

ЛИСТВЕННАЯ ТЕНЬ

Я шла Таврическим вечерним,
Пустынным, сумрачным, и шум
С проезжей Кировной, наверно,
Умолкнув, обострил мой ум.
И по темнеющей аллее –
Свет падал снизу: выпал снег –
Навстречу шел с открытой шеей,
Без шапки, в куртке человек,
Подросток, мальчик, и улыбка
Его ко мне и не ко мне
Обращена была: ошибка?
Иль той же радостной волне
Поддавшись, удивлен вниманьем,
Взглянул в глаза, смутясь слегка?..
Мы обменялись пониманьем
Смешным: на белые снега
Слетело, черное, воткнулось
Перо... какой-то знак? привет?
И я, как мальчик, улыбнулась,
Всему нездешнему в ответ!

В скудном прошлом, смутном и туманном,
Насчитаю несколько минут,
Жарким остановленных и странным
Чувством неосознанным: я тут!

Я живу, жива и жизни рада!
Розоватый клевер, гравий, дуб,
Оплетенная вьюнком ограда,
Слово, ветром сорванное с губ...

Это мысль моя воспоминанье
Загодя готовит на потом,
Словно легкокрылое созданье
Прячет, проколов его, в альбом.

Знает, что понадобится может
В будущем; чем позже, тем верней.
Если жизнь внезапно крылья сложит,
Холодом повеет от дверей.

Вспоминаю, как я вспоминала
Здесь под воробьиный слабый писк
Воды венецийского канала,
Остров мертвых, солнце, кипарис,

И толкаю под руку привычно
Душу зазевавшуюся - пусть
Ловит мельтешенье это птичье
И запоминает наизусть.

А яшень под окном ведет себя, как дуб,
Как тот корявый дуб в романе, в части третьей,
Я стар, он говорит, уродлив, нем и туп,
Мне чужды радости разбуженных соцветий.

И как не надоест бессмысленный обман
Всегда такой пустой, и радужный, и глупый!
Облезлые сучки – болячки старых ран,
Черны его ветвей изломы и уступы.

Он растопырил их, демонстративно вверх
Наставил, протянул бесстыдно и беззлобно.
Он говорит, что свет затмился и померк,
Что смерть свести на нет все лучшее способна.

Но если можно так настаивать на том,
Что жизнь завершена вчерне и что не надо
Цвести и зеленеть в кипении пустом, –
Кривая в этом есть и горькая услада.

Ах, все мы здесь, как тот воробей,
Влетевший в одно окно
И вылетевший в другое скорей,
Не видя, мелькнул смешно,
Не понимая, куда залетел, –
Живем, суетимся, подчас
Шагнув самовольно за тот предел,
Где больше не будет нас.
И кто-то причин расплетает нить
И затевает скандал...
А «стоит ли жизнь того, чтобы жить,
Дело печени» – Фрейд сказал.

Я стала перечитывать роман,
Отмеченный наградой высочайшей...
Как плохо, боже мой, какой обман!
Как нехотя я продвигаюсь дальше!

Смешные имена вместо людей:
Аверкий, Самдевятов и Громеко;
Причудливый такой театр теней,
Ни одного живого человека!

А эти разговоры допоздна –
Картонные, заученные речи!
И только лунный свет, метель, весна
Фальшивым фразам исподволь перечат.

Как можно так неряшливо писать,
Банально, вычурно?.. Мне стыдно: эти
Слова ведь никому нельзя сказать
О пострадавшем авторе-поэте.

Но шепотом и, как цирюльник тот
Лишь тростнику приречному, – откроюсь:
Я и тогда, когда громил народ
Его, а мы, *младое племя* то есть,

Страдали за поруганную честь,
Не в силах оказать ему защиты, –
Начав читать, не дочитала весь...
О, подлость жалкая придворной свиты:

- Романа не читал я, но скажу!..
Я, стало быть, «была с моим народом»!
Но непреклонным мнением дорожу,
Как этот автор – садом, небосводом.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

А кто-то, выдумщик, с улыбкой предложил
Нам тему общую для будущих стихов –
«Часы песочные», – как испытанье сил.
Стих не обходится, сказал, без пустяков.

Часы песочные обманывают, врут,
В них струйкой сыплется томительно песок,
В них жизнь неспешная, как таянье минут,
Пересыпается и тихо дремлет рок.

Вот фотография на письменном столе,
На ней две девочки, подружки, две сестры, –
Косички, ленточки... Еще они в тепле,
О смертном холоде не знают до поры.

А впрочем, старшая сжимает плечи так
Малышке с бантиком недетским жестом рук,
Как будто силится сдержать неверный шаг
Навстречу горестям, в предчувствии разлук.

Оставим школьникам песочные часы,
В них детство вечное стоит, а не течет.
С чужого голоса затвержены азы,
А жизнь стремительно торопится вперед.

Зима сменяется уже не той весной,
Прав глупый Фамусов: все врут календари.
Лишь стрелки чуткие в содружестве с душой.
Часы песочные бесстрастны, хоть умри.

Родившимся с унынием в крови,
Не созданным для повседневной тяжбы,
Привязанным лишь ниточкой любви,
Непрочной, тонкой, рвущейся однажды,

Что я скажу? Взять с полки книжной том,
Глотнуть настой целительной печали –
Печальна жизнь, грустна она, притом
Нет выхода, как строки нам сказали;

Но есть в неровных столбиках такой
Один мотив, язвящая отрада,
В нем тонет даже боль, и есть покой
В согласии тоскующего ряда.

Надежнее всего стихи. Скажи,
Кого ты больше любишь из поэтов?
И я скажу, кто ты, твоей души
Коснусь, характера, приоритетов.

Чудесна в музыке способность к мимикрии!
И потому еще она нежней стиха,
Что музыкант – как врач, ему, как в хирургии,
Расчет необходим, душа его суха.

И я подумала, внимая пианисту,
Когда он Шуберта нам исполнял на бис, –
Что обработка та бравурная, по Листу, –
Излишне влажная, напрасно он раскис.

Само искусство есть, не правда ли, и нежность,
И любознательность, и стройность, и порыв;
Что их навязывать? Холодная неспешность
Нужна художнику, чтоб вызвать их прилив.

Чтобы почувствовать волнение, не надо
Его подсовывать, сама приду к нему.
И ветру дерево, я думаю, не радо,
И сердце тянется не к сердцу, а к уму.

Пожалуй, музыка – одно из тех искусств,
Что, совершенствуясь, меняясь ненароком,
Не разбазарило благоговейных чувств
По отношению к своим первоистокам.

И как бы ни был стих сухой замысловат,
Куда б порой его ни вознесли печали,
Стремится памятью податливой назад,
В предгорья музыки, которой был вначале.

И как расчетливо ни выстроил бы ты
Разумный космос свой, включив в него, помимо
Ненужной мистики, и страхи, и мечты, --
Поглотит хаос их, - как сказано, *родимый*.

Андрею Арьеву

...пурпур и виссон.
Г.Иванов...Чей шелестит виссон?
В.Набоков.

«Всё навсегда потеряло значенье»,
Только закаты остались, *виссон*.
Что это? Ткань или воображенье?
Вымышлен образ, неясен фасон.

Белый виссон, голубой, желтоватый
И шелестящий – у каждого свой.
Влагу души темноводной, – как вата,
Впитывает стихотворной строкой.

Кто его видел? Никто! Но в изгнанье,
В соревнованье, в журнальной вражде
Он пригождался, двусложный, и втайне
Соединял, утешая в беде.

И в недоступном пространстве той сферы,
Где, виртуальный, полощется он,
Слух осязает подобие веры,
Ветер *оттуда*, ночной аквилон.

Памяти Георгия Адамовича

1

Он под конец своих заметок грустных,
Как разговор с самим собой, таких,
Что хочется запомнить наизусть их,
Привел один знакомый многим стих –
Молитву шестистрочную, и точным
Эпитетом в ней чудным потрясён.
О пребыванье, думаю, бессрочном,
О *строгом* рае помышлял и он.

Я рамочку вчера купила – просто
Дешевый ободок, кружок, овал,
Чтоб взгляд его внимательный и острый
Мой стол, мои бумаги охранял,
Чтобы иметь возможность с этим взглядом
Вчерашний сверить текст и чтобы он
И мысль его, и фраза были рядом, –
Не только там, где вечно зелен клен.

И думаю, что, если бы спросили,
Он выбрал бы – не райское, в тепле,
Блаженное и праздное бессилье,
А вечное дежурство на столе.
Бумага, перечеркнутые строки,
Цветные скрепки, чашка, крепкий чай...
Не правда ли? – вот где реальный, *строгий*,
С небесным конкурирующий рай!

2

Без постылого российского позерства,
Без ура-патриотического ража,
Но без скромности (без ложной) и притворства
Он сказал, что вот литература наша
Чуткостью своей ко всякой фальши –
Несравненная! единственная в мире!
Что-то будет с ней, уже советской, дальше? –
В эмигрантской он гадал своей квартире.

Что-то ведомо ей высшее, такое,
Что не терпит ни «нажатия педали»,
Ни котурнов, ни учёного покоя.
Он носил в себе печать ее печали,
И назвав себя каким-то двадцать третьим
Или даже, может быть, сорок девятым,
Он был счастлив, что попался в ее сети
И что с Анненским – по алфавиту – рядом.

Не скука, нет, не сплин, не боль и не печаль.
Цепляется тоска за сердце воровато,
Как робкий ученик за левую педаль.
Подавлена душа, *каким-то горем сжата*.

И скука есть в тоске – как черный паучок
В прозрачном янтаре, и сплин, всегда готовый
С ферзем – наперерез, с конем – наискосок,
И пахнет на беду она печалью новой.

И всё сгущаются, всё ниже облака,
Клубятся дымные, и смотрит сиротливо
С укором рукопись на автора, пока
В халат он прячется, и тихо мокнет ива.

Дождю не скажешь ведь: приятель, прекращай
Свои дурачества! – он слишком свыкся с ролью.
Как электрички крик отрывист – словно лай,
Вскричит, гонимая внезапной, свежей болью...

И словно бестолку зашел на огонек
Сосед прилипчивый и сел понуро с краю, –
Вот так, случается, желаньям поперек
Я собственную жизнь свою переживаю.

Тоска! Тоскливо мне... такого слова нет –
Оттенка горького – в немецком, во французском,
Английском вежливом... Небес таких, примет
У них не водится – в России только, в русском.

Белые, бесцветные люпины
Посреди лиловых так стоят,
Выгибая бархатные спины,
Что к себе притягивают взгляд.

Разве же лиловый чем-то хуже
Белого, отвергнувшего цвет?
Редкий случай! Он зачем-то нужен,
Как талант и как иммунитет.

Словно в жизни сумрачно-лиловой
Есть такие где-то островки –
Вечности посланцы, жизни новой
Порученцы, счастья завитки.

...И как случайно пущенное слово,
вонзившись в чью-то скудную судьбу,
способно искривить ее, готово
на небо вознести ее, рабу,
и новой траекторией победной,
ей кажется, летит она на свет,
как мотылек в мое окошко, бедный,
и как в овраг летит велосипед.

Какие грустные стихи! – читатель скажет.
Непосвященному, ему и невдомек,
Что тень вечерняя, лужайка и овражек,
И мячик, пущенный детьми наискосок,
Тогда замечены, когда к душе прижаты,
Она участлива, внимательна была,
И значит, счастлива, и дачный пес лохматый
Претендовать бы мог на часть ее тепла.

И только пристальный и вдумчивый читатель,
Который чувствует стихи и сам – поэт,
Поймает, выловит, как цель – видеоискатель,
Мгновенье радости – их истинный сюжет.

«ВИД ДЕЛЬФТА» ВЕРМЕЕРА

Этот вид удивительный Дельфта
Не похож на обычный пейзаж.
Речка? Озеро? Дельта – не дельта,
И не русло, а грёза, мираж.

Это транс, состоянье, молитва,
Но без слов, созерцанье, столбняк,
Жизнь отложена, жатва и битва,
Только смотрим – и молимся так.

Небеса продолжают чудно
В восприимчивом лике воды
Или тайну воздушную смутно
Ощущаешь с волнением ты?

Небывалый, светящийся белый
Цвет по кромке – откуда такой?
Из какого красителя сделан
Этот в душу глядящий покой?

А «небесная линия» острой
Скажет фразой извиистой нам,
Как заботы и тяготы-сестры
Необдуманно льнут к небесам.

Как хороша темнота
Рембрандтовского портрета –
Не черная пустота
Вселенной, а столбик света,
Что падает в никуда
Сквозь полотно ниоткуда,
Так светит в ночи звезда –
Наше земное чудо.

О, как печален взгляд!
Жизнь – прокурор железный,
только смерть – адвокат,
но глухой, бесполезный.
Видишь – щель вместо рта,
и посетовать нечем,
непосильно-проста
жизнь и давит на плечи.

Но глядят зеркала
и томит впечатленье,
нет добра – нет и зла,
как во сне, в сновиденье.
И тюрбан, и чалма,
и застёжка на платье
золотая, и тьма
раскрывает объятья!

Светится нагота
и горит позолота,
тайну хранит темнота,
обещают полотна
что-то помимо нас,
нашей жизни короткой, –
этот зал, этот час
благодарности кроткой.

А мадонны Беллини так странно, так чудно глядят,
Так смущает меня их спокойный, задумчивый взгляд –
Всё приемлют, не ведая страха, не зная вины,
По-толстовски и по-каратаевски как-то умны.

И не знают, как трудно ребенка лелеять, родив.
Жизнь, ты, кажется, проще среди кипарисов, олив?
Или знают, но как-то по-своему, мне и тебе
Не доступно такое слепое доверье к судьбе.

Словно стражник по правую руку с серьезным лицом
И по левую – старец, её и ребенка кольцом
Окружившие, взяли на плечи всю тяжесть, всё зло...
И надмирное счастье, сгустившись, на землю сошло.

Платан у балкона и пышная рядом сосна
Мохнатая, южная, и между ними как будто
Идет разбирательство, машет ветвями она
Печально и вкрадчиво, я это чувствую смутно.

Иголки трепещут и кисточки клонятся ниц,
А лапы платана мотаются, словно не веря
Ни лживым словам, ни дрожанию длинных ресниц,
И в воздухе носится хвойном беда и потеря.

Когда-то на Кипре случилось, меж ними – сейчас;
Нам драма навеяна неосторожным Шекспиром.
О, сколько ж она повторилась, я думаю, раз!
И сколько, по счастью, закончилась все-таки миром!

Всего-то и надо – к безумному другу-стволу
Припасть, чтоб услышал, как сердце стучит учащенно,
И словно награду поймав на лету, похвалу,
Он вдруг зашумит очарованно и обречённо.

Я желтый цвет люблю – медовый, не лимонный.
В нем солнце светится, в нем плещется призыв
Луча горячего, когда сквозь сумрак сонный
Он пробивается ко мне, жизнелюбив.

С ним сочетается так чудно темно-синий,
Но и в сиреновом его живая нить,
Подобно молнии, способна без усилий
Глазок внимания зажечь и оживить.

Ему сопутствует все лучшее на свете.
В нем Моцарт слышится – и скрипка, и рояль,
И стих лучащийся... Я вспомнила о Фете,
Его подсвеченную, в золоте, печаль.

И так прекрасен он в соседстве с красным кленом
Осенним вечером, а утром – на стене
Косой полоскою шафранной и зеленым,
Весенним отзвуком, трепещущим – во мне.

Зачем в той рецензируемой книжке,
В стихах последнего десятилетия,
Дождей и снега оказалось слишком
Уж много? – смотрят на меня соцветья

И узкие листочки иван-чая,
Над травянистым возвышаясь сором,
Верхушкой нежно-розовой качая,
С недоумением смотрят и укором.

Не знаю, – говорю розово-нежным,
Внимательным ко мне, – возможно, где-то
Планировалось зимним днем кромешным
Расположение к мраку у поэта.

Как бурный ветер или холод в мае,
Как теплые по-летнему осадки
Нужны земле сухой для урожая,
Ему нужны уныния припадки.

Прививка тьмы! – неверная защита
От судеб равнодушных и печальных,
Вакцина зла, его ночная свита
Ввиду дневных усилий повивальных.

Собор этих сосен вечерних!
В оранжево-рыжих стволах
Я, дачник, сезонный кочевник,
Творца ощущаю размах.

Жилицы небесного рая,
Что есть он и здесь на земле,
Всем розовым строю внушая,
Стоят в предзакатном тепле.

Сдувает растительный мусор
И рыжий задиристый хлам
Порывом... О, сёстры по музам,
По местности и по судьбам!

Сочувствие нужно, участие,
Чужие печали приняв,
Как воздух, раздаривать счастье.
Сосняк, как собор, многоглав.

И мнится, что в мире посмертном,
Ином, не останусь в долгу
И тоже верхушкой под ветром
Вылечивать души смогу.

Когда отчаянно не спишь, не спишь, не спишь,
Тьма расступается, даёт воображенью
Простор непрошенный и потакает лишь
Пустой фантазии и внутреннему зренью.

И горы прыгают, как овцы, и холмы,
Как агнцы прыгают, и – что с тобою, море?
Как в 113-м псалме трепещем мы,
Себя не чувствуя, не чувствуя в фаворе.

В борьбе, в унынии, в опасности, беде,
Борясь со страхами, старательно ресницы
Сжимая влажные, – уйти, побыть нигде,
Глотнуть забвения... как этого добиться?

Не думать, Господи, не помнить, не желать...
Не говорил ли Он, что ищущий обрящет?
Враждебно всё теперь – и память, и кровать,
«Злопамятливый Бог», и вот еще: *«казнящий»*

В часы бессонницы ты связан сам с собой,
Приворожен к себе бездушной, темной силой,
И не расстаться... О, никто, никто другой
Не страшен так сейчас, как твой двойник постылый!

КОНФЕРЕНЦИЯ В ИТАЛИИ

To Annelisa Alleva

На заседании пленарном,
Когда притих полемик пыл,
Я вспомнила, что Леонардо
В холмистом этом парке был.

В окно мне виден светло-синий,
Кусочек неба; рождена
Я здесь могла быть – Младший Плиний
Мне друг и пиния-сосна.

По лицам милых итальянок,
По мимике читаю: им
Знакомо всё – и шелест гранок,
И неуют дождливых зим.

Смущенье, колебанья те же.
Фонетика ли нас роднит,
Веселый ветер с побережья
Или рыданья аонид?

Как туя с деревцем миндальным
И клён участливо стоят!
Тень Блока с профилем медальным
Склонилась, слушает доклад, –

Мы преданы одной отчизне
Приснившейся, и мнится мне,
Что памятью об общей жизни
Обмениваемся во сне.

В итальянской деревне Сенаго декабрьским днем
 Во дворе, что при церкви, – мы шли мимо церкви вдвоем –
 Облепила, на нашу рябину похожая, там
 Ярко-красным флажком посигналила, путникам, нам.

Ах, как было нам весело, чудно, свободно, легко
 Так забраться от холода и от дождя далеко!
 Вспомни Вырицы серые избы и поздний рассвет.
 Ты хотел бы туда в декабре? Ну, конечно же, нет!

Не затем мы на виллу прекрасную прибыли, чтоб
 Дискутировать, спорить, тереть в напряжении лоб.
 В старом парке на вилле овальный раскинулся луг,
 А на тумбочке в номере список возможных услуг.

(Чернокожий дворецкий в манжетах и с бабочкой, ферт,
 И под вечер в субботу скрипичный це-дурный концерт).

Слова «мир» нет в Коране – воинственный, бедный Коран!
 Ни за что не понять безнадежно чужих мусульман,
 Ничего не решить сообща, опыт неотторжим
 И у каждого свой; втихомолку его ворошим.

Всем сопутствует смерть, эта тень, эта дань, этот фон.
 Льется матовый свет фонарей, и дворец освещен.
 Всё, что сказано было, забудется, будто и нет
 Всех собравшихся в зале на этот конгресс, на совет.

Только парк, только луг, только старая вилла, века
 Пережившая здесь, победившая время (пока),
 Только пять этих теплых, ничем не запятнанных дней,
 Чтобы дома мечталось бездумней, дышалось полней.

На слух не жалуясь, не жалуясь, но всё же
В многоголосии я речь не разбираю –
Провал, рассеянность, которая похожа
На взгляд блуждающий, скользящий где-то с краю.

Пчелой невидимой я здесь ношусь в собранье
И собираю мед, как если б он, цветочный,
Был в этой комнате, мне нравится жужжанье,
И сигаретный дым, и крендель потолочный.

Впиваюсь медленно, неясному приказу
Зачем-то следуя, и – странная работа
Ночная: в памяти верчу улыбку, фразу,
И отблеск рюмочки; так нужно отчего-то.

Кто скажет, отчего? А только мне любезней
Не слово дельное, а звук, его частица,
А признак призрачный невзрачный, – всё, что в бездне
Времен не знает, как, но хочет отразиться.

Я еду в поезде – татарник, сосны, тени,
Крапива, изгородь... О Господи, мне знания
Хватает этого, довольно рассуждений!
Шиповник, жимолость – мне нравятся названия.

Как жмутся лютики к заборам этим новым!
Я существую, но... не думаю, а верю –
Тычинкам розовым и пестикам лиловым,
Щенку соседскому, сторожевому зверю.

Сегодня волю дам сердечному горению,
Бездумной радости, подвижному параду –
Развилке, клеверу, траве, стихотворенью!..
Я верю насыпи, листве, а не Сократу.

В сплетенье солнечном сегодня я лелею
Зерно горчичное горячего покоя,
Несется весело еловая аллея,
Деревья – стойки и умирают стоя.

Какое синее и как бежит навстречу
Стекло воздушное! Смотрю на очертанье
Небесных айсбергов, трясусь судьбу за плечи –
Продли, раздатчица, блаженное незнанье!

Ты Мануэль? – Нет. – Значит, Эстебан.
Одно лицо, неразличимы братья.
Их связь, нет, их любовь (но не роман:
Любовь, которой не нужны объятия)

Сильна как смерть, а ревность... ревность – ад.
Нет повести, мне кажется, печальней.
Смертельно ранен оказался брат
Изменой брата – смертью злой, случайной!

Погиб несчастный брат, погибла мать...
«Мост короля Людовика Святого»
Взяла я с полки, чтоб перечитать,
Проникнуться печальной правдой снова.

Как эти братья... Кастор, Поллукс так,
В такой зависимости друг от друга...
Я это знаю, «Близнецы» – мой знак,
Мне ведом морок этого недуга.

А.К.

Мне никогда таких не написать стихов.
Нездешние, они пришли неведь откуда.
Пересказать нельзя: сюжет нелеп, таков,
Что не дотронуться – растает это чудо.

Старинных перечень утраченных имен
Зачем волнует так, как звуки труб победных,
К ногам положенных поверженных знамен,
Насквозь простреленных парадных шапок медных?

Не воинские, нет, приватные вполне –
Зосима, Феоктист, Ефим и эта фраза
О снеге, что пескам подобен и волне,
Он чудным образом с их именами связан,

Необъяснимым! Вот – порхает белый снег,
А имена смешно топорщатся и лезут
Из восемнадцатого в наш практичный век,
В наш календарь, на стол, где пластик и железо.

И более того, сказала в них душа
Без слов, без лишних слов, одним перечисленьем,
В них столько воздуха, насыщенным дыша,
Как бы взволнованы совместным появленьем...

Душевым опытом мы сходны, ты и я,
Но есть у душ такой неповторимый нор,ов,
Жестикуляция и мимика своя,
Сама поэзия рождается в которых.

Как будто я втянута в дикий судебный процесс,
Где я – это ты, ну а ты – это я. Адвокат
Не знает, как быть, самому себе наперерез
Приходится действовать, словно и сам виноват.

И кажется: кто-то вселился бестрепетный в нас,
И третий, чужой, он ведет перекрестный допрос –
Запутан, мучителен, гибелью дышит подчас
Не метафорически, а в самом деле, всерьез.

И только когда ужаснувшись страданию, когда
На помощь друг другу бежим у последней черты,
Все доводы побоку, чувство не знает стыда,
И я – это я, слава богу, а ты – это ты!

Я – это то, что я помню и то, что я знаю.
А просыпаясь, отсутствую, нет меня утром.
Кресло, комод и картинка, висящая с краю,
Тщетно толкуются в сознании сонном и мутном.

В бедном сознание беспмятном, не заселенном,
В миг пробужденья затерянном в сером тумане
Сна бестолкового... С шумным за шторами кленом,
С небом бездумно сливаюсь, с водою в стакане.

Мысль пробуждается позже, приходит последней.
Только с тобой повстречавшись блуждающим взглядом, –
Я – это я, а не сна непонятные бредни, –
Вдруг сознаю, – и не платье, висящее рядом.

Я – это я потому лишь, что здесь несомненно
Ты – это ты и незыблема ценностей скала.
Вот и прибилась ко мне по частям, постепенно
Всё, что копила, и всё, что с усилием искала.

Спросил участливо: «Опять не спишь?». Не сплю.
Не позволяет спать мне счастья напряженье.
Мне свет является в ночной тиши, люблю
Ума горячего бесцельное брожение.

«Спи, детка, засыпай», - мне говоришь сквозь сон,
И сонную к плечу протягиваешь руку.
Мне кажется: уснуть – как потерпеть урон,
Примерить начерно загробную разлуку,

Покинуть жизнь свою, оставить друга, дом,
Стол письменный, тетрадь, открытую страницу.
Остановилась я вчера на месте том,
Где не хотела бы никак остановиться.

И не умею я, как ты – строку одну
В тетрадку занести, как бабочки скольженье
Прервать, накрыть сачком, пусть, не мешая сну,
Трепещет до утра и ждет стихотворенья.

Когда ты в комнате, тебя не замечаю.
Ты за столом сидишь, я тоже занята.
Но если нет тебя, то стол и чашка чая,
Стеллаж с компьютером и пепельница та,

Что принесли тебе друзья на день рожденья,
Всё в этой комнате, мне кажется, хранит
Твое внимание, твоё воображенье –
Трудов пристанище, обитель аонид.

В твоё отсутствие здесь, как ни странно, больше
Тебя, чем при тебе... Как это объяснить?
И больше, может быть, чем там в Варшаве, Польше
На конференции, где ты и должен быть.

И эта странность так порой меня тревожит,
Волнует, трогает, как возвращенный сон.
В твоё отсутствие короткое я тоже
Вдвойне присутствую... звонит мой телефон!

В Египте синий цвет мечтал о воскрешенье,
В Китае обещал он вечную весну.
«Берлинская лазурь» – волшебное смешенье
Оттенков голубых, сродни морскому дну.

У древних христиан на выцветших полотнах
Одежды синева изображает грех.
Но синему греху я верю неохотно,
Он втайне адвокат, оправдывает всех.

И в синий облачась, является Мария,
И в голубом плаще на троне Соломон.
Поистине, как жизнь сама, его стихия,
И всё, что знаем мы, в себя вбирает он.

Я этот цвет люблю – цвет жизни, цвет печали,
Цвет смерти и любви, спасенья и стыда.
Как много мне его оттенки нашептали,
Привязчивы, нежны, текучи, как вода.

А тот, кто наблюдал в музее в Амстердаме
Молочницу в чепце и синий фартук (цвет,
Который, как стихи, беседует с богами), –
Тот видел: счастье есть, а смерти – смерти нет!

Памяти Н.Н.Берберовой

Я пожала с улыбкой сухую ладонь –
«Оставайтесь такой, как теперь», - на прощанье
Было сказано мне, -- и подспудный огонь
Еще теплился в ней как намек-обещанье.

Я ведь тоже, привычно вниманье дая
Городской суете, наслаждаюсь дорогой,
Где сиянье витрины и блеск фонаря,
И страниц шелестение значат так много,

И я тоже чужим препоручена снам
И спешу за вожатым, доверчивый Товий,
Избегая натужных трагедий и драм
И вверяясь лишь тайному шелесту крови.

Так что, может быть, что-то досталось и мне.
Нет, не тем, что запомнилось, прикосновеньем,
Не таким же к ночному светилу - луне
Неприятным, как у нее, отношеньем,

И не сходством ума, о котором сказал
Ты сегодня за ужином с легкой заминкой, -
А серебряный век, Царскосельский вокзал,
Ходасевича кроткое имя с горчинкой.

Сначала подыскивали курьера толкового:

- Болховитинов! – его решили послать с сообщением.

За всю войну не было ничего более важного, более нового.

Оседлал коня тотчас же, помчал через лес с поручением.

К ночи прискакал к главному штабу, разбудил адъютантов,

Генерал Коновницын спал глубоко, был болен,

Но натянул шерстяные чулки (никаких аксельбантов)

И понёс донесение Толю.

Толь вошел к светлейшему в половине второго ночи,

И Кутузов, придерживая на груди рубашку, успел подумать: без битвы!

Со слезами к образам обратился, воздев очи:

«Господи! – воскликнул, - Ты услышал наши молитвы!»

Как долго, как упорно он удерживал армию от сражений,

Говоря меж тем: никакого мира, никаких братаний!

По цепочке, в ночное время, выныривая из сновидений...

Вот так добирается к нам исполнение желаний!

Мне снился сон: как будто я одна
И комнату в каком-то дачном доме
Снимаю; стол, диван и два окна.
Я счастлива и счастья нет знакомей.

Хозяйка мне кивает головой
Приветливо, мы с ней договорились,
Я уезжаю временно домой,
Я в поезде... ужели только снились

И эта местность, и свобода та,
Прильнувшая к бревенчатому раю?
Какая легкокрылая мечта...
Я силюсь вспомнить адрес и не знаю.

Насколько помню, там белел жасмин,
Хотя, возможно, яблоневым цветом
Сиял тот сад, и тополь-исполин
Вставал, замороженный чудным светом.

Но как туда вернуться? Как найти?
Села не знаю, улицы название,
И кажется: мне нет туда пути...
И может быть, спасительно незнание.

ПЕРВАЯ СИРЕНЬ

Запах детства у первой сирени,
Обещаний туманных привет.
Даже бед промелькнувшие тени
Излучают сиреневый свет.

Жизнь, ты пахнешь сиренью в начале!
Для чего? – глуповат мой вопрос.
Чтоб любили тебя, изучали,
Чтобы мир развивался и рос.

Чтобы голос, что еле нам слышен,
Утешая, настойчиво звал,
Чтобы статуя высилась в нише,
Чтобы облако плыло в канал.

Чтоб манила сезонная к лету
Распродажа и клен под окном
Шелестел и тянулся к рассвету,
И братался с предутренним сном.

И когда этот запах, вобравший
Опыт жизни, слетает с куста,
Он как брат многоопытный старший
Рад свиданью, целует в уста.

Словно после глубокой разлуки
Возвратился домой, не устал,
Всё, что было, берёт на поруки
И счастливый пророчит финал.

Он голубянкам мелким посвятил
Счастливейшие дни, часы и годы.
Смешные усики, узоры крыл,
Их виды неприметные и роды.

В волнении он чувствовал, держа
За лапки жизнь таинственную эту,
Как в пальцах поселяется душа
И ластится к любимому предмету.

И если тельца поместить в стакан
Со спиртовым раствором осторожно,
Не просто на стекло – учти, Джоан,
Их поворачивать в растворе можно.

И если, Цинтия, захочешь ты
Расстаться с фонетической ошибкой,
Не прячься, говорю тебе, в кусты –
По-русски нужно говорить с улыбкой.

Те девочки состарились уже,
Но помнят, помнят бывшие нимфетки
И светлый класс на третьем этаже,
И голубянок нежные расцветки.

Гавайской гитары расхлябанный, влажный мотив.
Волна его в жаркий полуденный час породила.
Он меланхоличен, он так равнодушно-чванлив,
Как будто за ним и последнее слово, и сила.

И что ни увидишь, и что ни узнаешь – возьмет,
Присвоит – турецкую бухточку с берегом, пляжем,
Купальники, плавки, смешки и вдали пароход,
Кудрявые листики ивы прибрежной и даже

Убийство чудовищное, о котором я здесь
Прочла на странице газетной, дивясь, обмирая, -
Всё-всё приняла в себя невозмутимая песнь,
Дурная заступница царства земного и рая.

Попробуй поверить ее бессловесным, простым,
Утешным и пошлым речам... Говоришь, неразумно?
Как коротко лето, как счастье непрочно, бог с ним!
Но жарко, светло и сияющее-грозно, и шумно!

Там, в блаженствах безответных...
В.А. Жуковский

Есть лечебная пластинка,
И лекарства лучше нет.
Там морские под сурдинку
Волны бьют о парашет.

Мягко хлюпают, о камни
Трутся мокрые шлепки,
Шелестят о чем-то давнем,
Что не ведает тоски

И с историей в согласье,
И в фаворе у богов,
Словно всхлипывает счастье
Без причин у берегов.

Там сплошное восхождение,
Сублимация невзгод,
Душ болящих воскрешенье,
Белый, белый пароход,

Прочный мир ветхозаветный
Правил добрых и простых –
Там, в блаженствах безответных...
Только жизни нету в них.

ЧУЖИЕ ПИСЬМА

А в этих письмах все, кто только упомянут,
Внезапно ожили, вошли в наш век и день.
И собеседники теперь уже не канут
В ночь непроглядную, прожорливую тень.

И дворник, что смутясь просил пятак на водку...
Чужие письма – рай для умерших, для тех,
Кто задержаться мнил, словцо оставить, нотку,
Черту смертельную прорвать, скользнуть поверх.

Сказать по правде, в этом смысл трудов и в этом
Одном стремлении инстинкт наш основной.
Под солнечным, увы, и под настольным светом
Ты мыслью одержим несбыточной одной.

Есть, есть загробный мир и с ним живые связи,
Они, подстрочные, запрятаны в тени
Случайных, тихих фраз в бесхитроном рассказе,
И можно их достать – за слово потяни.

Мне рассказал вчера музыковед-приятель:
На рукописи нот остался капель след –
Бессмертный дождь застыл на Аппассионате!
Всем слышащим послал сочувственный привет.

А кольчатая путаница листьев
Прибрежной ивы в завиточках тонких,
Как волосы, к моей прильнула кисти.
Прелестная, ей не нужны гребенки,
Заколки, шпильки, в шевелюре нежной
Колечки виснут мягкие, тугие...

Я, видимо, мужчиной в жизни прежней
Была, и были девушки такие.

Есть сочинители таких подмётных мыслей –
Вскользь тихо сказаны, но выпущены ими,
Чтобы, прилипчивые, в воздухе повисли
И были сослепу присвоены другими.

Есть группы, целые содружества, в которых
Одним питаются умом кривым и цепким.
Как риф коралловый, как греческие хоры,
Их речи общие – не мнения, а слепки.

И это в сущности забавно, только если
Смотреть прищурившись, устроиться «над схваткой»,
Сидеть под лампою с тетрадкой в мягком кресле,
Не вспоминать... или насмешливо, украдкой.

Но дни апрельские, и снег уже створожен,
Светлее в комнате, и тишина – как прялка,
И отстраненно я, но и печально всё же
Об этом думаю, и всех немного жалко.

А все-таки Ангел-хранитель
В обиду меня не даёт,
Не случай счастливый, а – мститель,
Вот что удивительно, вот!

И, может быть, всё не случайно,
А лишь потому, что с виной
Обиду связала я – с тайной,
Горячей и жгучей одной.

Победа не помнит провала,
Обида не знает вины.
Но всё, что гнала, отгоняла,
Тайком пробирается в сны.

И как-то на Каменный остров
Приехав – билетик в горсти, –
Обиду припомнила остро,
Считая: забыла почти.

Вот тут и явилось отмщенье,
Как в сказке; мой ангел, ты – был!
И я приняла как прощенье
Защиту таинственных сил.

Я живу в Туруханске, куда завела меня нить
Ариадны Эфрон, ее письма читаю оттуда.
Я умею колоть, штукатурить умею, белить,
Всё зима и зима, ледоход – долгожданное чудо.

Здесь природа всегда так нахмурена, раздражена,
Неустойчивый женский характер и гнева раскаты.
На полу ледяном, на коленях, как в церкви, одна
Я рисую им лозунги праздничные и плакаты.

Сонмы мелких, ненужных работ и докучных забот
Отнимают меня от меня, и я мучусь виною,
Что бесхитростный быт заслоняет мне весь небосвод,
Вечной ночью полярной раскрытый шатром надо мною.

И старею, ссыхаюсь, как вложенный в книгу цветок,
В уголовный и процессуальный заложенный кодекс.
Из всего можно вынести, если не пользу – урок
Утешительный, по Аристотелю, – элеос, фобос.

Боже мой, я бы так не могла, я бы так не могла!
Умерла б от разлуки и не протянула б недели.
Сколько надобно сил, чтобы вынести... Вечная мгла
И горчайшие мысли о жизни в холодной постели.

Жизнь, ты что же такое, о, не отпирайся, скажи!
Как смириться с тобой, непонятная, злая затея?
Неразумной, слепой, без учета отдельной души...
Замерев над письмом, вопрошаю, дрожа, холодея.

Культура за чужой, известно, счет
Живет, и все, что сколком, подражаньем
Нам представляется, на самом деле
Есть усвоенье пройденного. Вот.
Вооружившись доблестным вниманьем,
Чужой мотив мы заново пропели.

И если б древний римлянин взглянул
На то, что сделали его потомки,
Их обвинил бы верно в плагиате.
Как он ошибся бы! Для нас Катулл
Предутренние разводил потемки,
И благородный чтит его читатель.

Культура в самом деле – общий дом,
Как средиземноморский этот берег.
А мы – как галечник, так мы похожи.
Национальность наша ни при чем.
Нева иль Сена, Темза или Терек –
Бессмертью все равно, и смерти – тоже.

Бердяев встречался со Сталиным, с ним говорил,
И как-то в Клараме рассказывал: туп, как баран,
Он думать не мог за отсутствием умственных сил,
А натиском – танк, что идет напролом на таран.

Ну, где же вы были все? – Каменев и Кассиор,
Зиновьев, Бухарин и Рыков – особенно вы,
Бухарин, на горе себе поддержав общий хор.
Куда вы смотрели, беспечные дети молвы?

В простецкой шинели и мягких сапожках сатрап,
Окольной, невидимой глазу прошел он тропой
К немислимой славе, душою безбожною раб,
Так просто, как лось пробирается на водопой.

Как пальма струится под ветром! Ни тополь, ни клен
Вести себя так не умеют, с достоинством редким.
Лишь пальцами перебирает, как будто вдогон
Приветствие шлет несклоняемым веером ветки.

Обидчик не должен узнать, как обидно, когда
Ответить нельзя – безответно и море, и небо.
Кто знает, что чувствует вечером этим звезда,
Мерцающая в таинственной тьме лучезарно и слепо?

И в сумерках влажных я вижу: обиду сглотив,
Трепещет победно растение над гладью ребристой,
И горлинки вижу я тонкую шейку и клюв,
И чудный корабль, освещенный и встроженный в пристань.

Шныряет прожектор, и пляжа полоска пуста,
Дрожат отраженья, невольному трепету вторя,
Не та это местность, я вижу, и полночь не та!
Но те же и дрожь, и обида и, может быть, горе.

И нежно-сиреневый клевер,
И наша ромашка простая,
Избрав неуживчивый север,
С настойчивостью прорастая,
Цветут... Только ты, повилика,
Придаток цветенья чужого,
Ползешь, побирушка, калика,
Ни листьев, ни корня сухого.

Мне жаль тебя, злая кускута,
Завистница, полурастенье,
Пособие для института
Ботаники и поученье
Студентам. Но может быть, сами
Цветы и побеги растений
Хотят поделиться дарами
Наследственных приобретений?

Мир создан разумно, привычно,
Но криво, как эта коряга,
Враг злейший и друг закадычный,
И ты, повилика, бедняга.
И мы, то есть я, недотрога,
Судьба моя, место и время,
Лишь место – в сторонке немного,
А время и страхи – со всеми.

Для завтрашнего дня готов сегодня он
С достоинством терпеть нужду, она – помеха,
Не более того, и словно быстрый сон
Предутренний, пройдет вне шума и вне спеха.

Он и сегодня там, где мысли и дела
Спланированных дней и будущих свершений,
А ты, участница, как будто приросла
К береговой тропе сегодняшних хотений.

«Сегодня!» – просишь ты, «ах, завтра!» – он в ответ.
Не хочет понимать, что, в сущности, сегодня –
То самое «потом», с которым встречи нет, –
В сознании звено, посредник только, сводня.

И если лишь ему абстрактному кадишь,
Не видишь, что ушла та бытия частица,
Что кажется – пустяк и побрякушка лишь,
Но – радость, посмотри, в руках твоих синица!

Исследователь так, смотрящий в телескоп,
Всецело поглощен бесхозным звездным стадом,
Не видит ни сосны, крутой наморщив лоб,
Ни тучки над своим осиротелым садом.

В защиту хочется мне выступить сомнений.
Тот, кто смущением и робостью объят,
«Зачем?» не спрашивал себя и возражений
Не приводил себе, счастливец, – мне не брат.

Во дни сомнений, как мы помним, дни раздумий...
О, эти тягостные, пасмурные дни!
Одни мы в комнате иль в многолюдном шуме,
То утешенье лишь, что знаем: не одни...

Рассказ мне вспомнился о том, как Боборыкин
Сказал Тургеневу, когда к нему пришел,
По ляжкам хлопая себя, с довольным рыком:
«А я так с радостью пишу и хорошо!»

Соскучившись по милому искусству,
Устроившись с альбомом у окна,
Внезапному я удивилась чувству,
Что я и есть – сезаннова сосна.

Какая мощь в меня, какая сила
Прихлынула из крепкого ствола!
Наполнила и голову вскружила,
И чудную надежду подала.

Но после, близь ваноговского стула
Нашло унынье, отголосок бед.
Мне показалось вдруг, что я сутула
И жаль напрасно пробежавших лет.

Я вспомнила, как видела корриду,
И кто-то на нее смотрел – привык, –
Не подпуская жаркую обиду,
А я и есть поверженный тот бык...

Стоял январь и мглистый, и промозглый,
Хотелось от него укрыться. Как?
В альбомы репродукций, в глянец, в сосны,
В испанский зной, в ваноговский башмак.

НОВАЯ МУЗЫКА

В оркестре быть ударником, сжимать
Две палочки с нейлоновой головкой,
Нетерпеливо ждать и вдруг вступать
Победно, с громогласной установкой.

И тотчас звук гасить рукой, назад
Забрав свое безумье, чтоб другие
Могли спокойно выразить свой взгляд
приватный – струнные и духовые.

Но нежный альт и вежливый гобой
Бессильны были, желтый блеск валторны,
Погнавшейся за флейтой и трубой,
Не убеждал – все притязанья спорны!

И скрипки, скрипки тоже не вполне
Могли отобразить миропорядок,
Лишь этот бой внезапный в стороне,
Как всякий бой, стремителен и сладок.

Мальчишество, быть может, хвастовство?
Или глухая стычка тьмы и света?
Отчаянье? Быть может, торжество?
И то мне тайно чудится, и это!

Мне снилось, что я говорила с Толстым.
Я то ли учительствую где-то, то ли
Сама ученица, увидеться с ним
Пришлось в моей первой, как помнится, школе.

И я признаюсь: удалось мне понять
Причины случившегося переворота
Трагического, о котором опять,
Опять и опять размышляют без счета.

На лестничной вроде площадке... Пусты
Все классы, распахнуты двери... Я честно
Прошу прочесть его номер «Звезды»,
Где я объясняю всё, ставлю на место.

Глаза, словно гвоздики, остро блестят,
Он хмуро поводит лохматою бровью,
Но нет, не смущает меня его взгляд,
А лишь вызывает доверье с любовью.

Он то ли учитель мой, то ли отец,
Он тот полубог, что является солью
Земли для подростка, но и под конец
Не может расстаться с учительской ролью.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Фотография блёклая – взрослые мальчики группой,
Оживленные лица и форма гимназии старой
Говорят мне, что смерти безжалостно преданы грубой,
Всем гуртом молодым, подростковою дружной отарой.

Всё погибло, ушло, всё исчезло, пропало и сгнило.
Неужели и тот – коренастый, живой, круглолицый?
В нем такая веселая издали светится сила,
В светлых, дерзких глазах приютилась и чудно искрится.

Где та сила теперь, самолюбие, радость, весёлость?
Узнаю их бесхозных, они-то как раз не пропали.
Лишь сменили владельцев, нашли себе новую полость,
А казалось, что этому мальчику принадлежали.

Третий слева – мой дед. Как в халате из темной фланели
Вечерами, я помню, корпел над чертёжной доскою,
И когда в репродуктор знакомые арии пели,
Он сиял, напевая и такт отбивая рукою.

... Неужели наш трепет сердечный, привязанный прочно
К переулку, мелодии, людям, кустам и страницам,
Нам придется пожертвовать времени водам проточным,
Чтобы кто-то, как мы, ликовать мог, скорбеть и дивиться?

Как сладок этот сон без сновидений!
Счастливый сон! Я рада, я одна,
Ни мысли, ни любви, ни даже тени
Тревоги записной... Покой без дна!

Нестрашные блуждания. Где? На небе
Иль на земле? Из черного мешка
Я только достаю еще свой жребий,
Нет прошлого, все в будущем пока.

И длинноногий, красноклювый аист
Несет меня в какой-то светлый дом,
Еще псалом не сложен и акафист,
И нет границ между добром и злом.

О том ли утре-смерти все мечтали
Философы? Шестов... да и Платон...
«В ее руке олива мира»... Та ли
Рука? И то ли утро? Тот ли сон?

Метампсихоз, мой друг, – плохое утешенье.
Сомнительное, как его ни объясняй.
В замерзшее окно мне видно мельтешенье
Сгрудившихся ворон, печальный, скудный рай...

И если в будущем живущая здесь птица
Ни сквер не узнаёт, ни комнату внутри
Не помнит, и стихом не дорожит, страницей,
Хотя б одной строкой! – молчи, не говори,

Что, может быть, она, в немом оцепененье
Расхаживая здесь, переживет твой прах
И душу сохранит... Не надо измышленья,
Смерть – это смерть, мой друг, провал во тьму и крах!

Что бы делали Дафнис и Хлоя,
Если б Пан не любил их, не пас,
Как овец, отводя всё дурное,
Пряча их от завистливых глаз?

И для нас не представился б случай
Созерцать их на грешной земле
Травянистой, нагретой, пахучей,
Млечный дух различая в тепле.

Я хотела б на остров с тобою
В этот запах и в это тепло,
Чтоб спускаться овечьей тропею
К морю гладкому, словно стекло.

Я хотела б уйти в эту повесть,
Сбросить тяжесть январского льда,
Обновить свою жизнь, свою совесть,
Быть, как дети, как овцы, вода.

И самой себе сниться овцею
Под смоковницами, в их кольце,
Слушать пенье свирели с ленцою
И не знать ничего о конце.

Вот здесь, в Таврическом, под сенью мощных ив –
 Расположились вдоль канавки, -
О, не плакучие, их вид самолюбив,
 Он говорит о переплавке
Сердечных судорог во что-то, что живет
 И расцветает пышной кроной,
Весь в мелких дырочках подвижный небосвод
 Их кружевной, бледно-зеленый...

Вот здесь, в Таврическом, под ивами в цвету,
 Сказать «в цвету» нельзя, наверно,
Встречаю душу я свою, сказать «мечту»
 Было б неправильно, неверно,
Но здесь я чувствую наедине с собой
 Ту жизнь тишайшую, немую,
Что связываю я с древесною душой,
 А в повседневности миную,

Ту жизнь, ту скрытую, подобную мечте,
 Что в нас незримо существует,
Не хочет, лёгкая, томиться в темноте
 И, как кузнечик, крылышкует,
Вот здесь, где лиственная в небе снасть,
 Где тень во всякую погоду,
Она является, готовая совпасть
 С собой, как лист, слетевший в воду.

Мне жизнь назначена была в тени, в тени!
Я это чувствовала с самого начала.
Но не жалею меня, прохладны были дни,
И лиственная тень меня, как мать, качала.

Ладонкой шевелил дворовый, старый клен,
И пятипалая, она вращалась, словно
Писала на стене, и ствол был удивлен
Моим вниманием, и тень сгущалась ровно.

И дуб задумчивый, устойчивый, как мы,
Шептал настойчиво таким родным мотивом
Особым, речевым – он знал, что без зимы
Не может быть весны, и то же знала ива.

Сквозь ветви пышные смотрю на облака,
На их движение и лиственный узорчик,
Смотрю, задумавшись, и кажется: пока
Их вижу, становлюсь смиреннее и зорче.

СОДЕРЖАНИЕ

- «Я шла Таврическим вечерним...»
«В судном прошлом, смутном и туманном...»
«А ясень под окном ведет себя, как дуб...»
«Ах, все мы здесь, как тот воробей...»
«Я стала перечитывать роман...»
Песочные часы.
«Родившимся с унынием в крови...»
«Чудесна в музыке способность к мимикрии...»
«Пожалуй, музыка – одно из тех искусств...»
«Всё навсегда потеряло значение...»
«Он под конец своих заметок грустных...»
«Без постылого российского позерства...»
«Не скука, нет, не сплин, не боль и не печаль...»
«Белые бесцветные люпины...»
«... И как случайно пущенное слово...»
«Какие грустные стихи! – читатель скажет...»
«Вид Дельфта» Вермеера.
«Как хороша темнота...»
«А мадонны Беллини так странно, так чудно глядят...»
«Платан у балкона и пышная рядом сосна...»
«Я желтый цвет люблю – медовый, не лимонный...»
«Зачем в той рецензируемой книжке...»
«Собор этих сосен вечерних!..»
«Когда отчаянно не спишь, не спишь, не спишь...»
Конференция в Италии.
«В итальянской деревне Сенаго декабрьским днем...»
«На слух не жалуясь, не жалуясь, но всё же...»
«Я еду в поезде – татарник, сосны, тени...»
«Ты Мануэль? – Нет. – Значит, Эстебан.»
«Мне никогда таких не написать стихов»
«Как будто я втянута в дикий судебный процесс...»
«Я – это то, что я помню и то, что я знаю...»
«Спросил участливо: «опять не спишь?». Не сплю»
«Когда ты в комнате, тебя не замечаю»
«В Египте синий цвет мечтал о воскрешенье...»
«Я пожалала с улыбкой сухую ладонь...»
«Сначала подыскали курьера толкового...»
«Мне снился сон: как будто я одна...»
Первая сирень.
«Он голубянкам мелким посвятил...»
«Гавайской гитары расхлябанный, влажный мотив...»
«Есть лечебная пластинка...»
Чужие письма.
«А кольчатая путаница листьев...»
«Есть сочинители таких подмётных мыслей...»
«А все-таки Ангел-хранитель...»
«Я живу в Туруханске, куда завела меня нить...»
«Культура за чужой, известно, счет...»
«Бердяев встречался со Сталиным, с ним говорил...»
«Как пальма струится под ветром! Ни тополь, ни клен...»

«И нежно-сиреневый клевер...»
«Для завтрашнего дня готов сегодня он...»
«В защиту хочется мне выступить сомнений...»
«Соскучившись по милому искусству...»
Новая музыка.
«Мне снилось, что я говорила с Толстым...»
Старая фотография.
«Как сладок этот сон без сновидений!...»
«Метампсихоз, мой друг, – плохое утешенье»
«Что бы делали Дафнис и Хлоя...»
«Вот здесь, в Таврическом, под сенью мощных ив...»
«Мне жизнь назначена была в тени, в тени!...»